

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Леонов, Анатолий Олегович.

Л47 Оживший покойник / Анатолий Леонов. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-100196-4

Исторический детектив, мастерски написанный известным культурологом, поражает точностью деталей, притягивает загадочной атмосферой действия. Читателя ждет крутой сюжет, новые знания из истории православия в эпоху Смутного времени. Автор, Анатолий Леонов, известен в России, Америке, Австралии и Европе. Его книги переведены на немецкий, румынский, венгерский, итальянский, шведский и японский языки.

1620 год. Инок Феона спешит в Покровский монастырь на крещение сына царского родственника Глеба Морозова. Все проходит по чину, но после службы и праздничной трапезы молодой отец неожиданно умирает. Гости и монахи в ужасе: как такое могло случиться? Теперь не миновать царского гнева... Не теряется только один отец Феона, он же в недалеком прошлом руководитель русского уголовного сыска воевода Григорий Образцов. Самое время вспомнить былые навыки и по горячим следам раскрыть это злодейское преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонов А.О., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-100196-4

От автора

Мой высокоумный и всезнающий читатель! Пока ты не открыл этот роман, я хочу попросить тебя об одном небольшом одолжении, не воспринимать все написанное ниже как справочник или не дай бог как учебник по истории Средневековой России, ибо таковым он не является. По здравому моему размышлению, роман мой — это детективная история, которая произошла, или могла произойти, в России четыреста лет назад и рассказана скромным автором в парадигме современного мира. Так что если кому-то покажется, что я в чем-либо и погрешил против истины, то причиной этому стремление доставить читателю удовольствие, а не желание кого-либо обидеть. Пусть же чтение романа, любезный мой друг, доставит тебе это удовольствие, так как многое здесь достойно замечания. А теперь прощай!

Часть первая

За две недели до описываемых событий

Под покровом ночи в Предтеченский придел Покровского собора Авраамиево-Городецкого монастыря, сопровождаемые церковным пономарем, вошли настоятель обители, архимандрит Паисий, монастырский келарь отец Геннадий и два инока Фотий и Ермолай. Иноки несли с собой заступы и лопаты. Пройдя к иконостасу, монахи стали истово молиться и класть поклоны, в то время как церковный пономарь разжигал лампы и свечи перед хмурыми ликами святых на иконах. Сумрак и мрачную таинственность придела сменили яркий свет и величавое великолепие церковного убранства совсем недавно обновленного собора, в котором даже олифа на досках не везде еще успела высохнуть и потемнеть, а сусальное золото окладов и церковной утвари слепило глаза своей свежестью и новизной. Закончив с молитвами, монахи во главе с настоятелем стали совершать странные действия, молча отмеряя шагами некое условленное расстояние на полу то от одной, то от другой стены придела, простукивая доски черенками принесенных с собой инструментов. Скоро стало очевидно,

что делали они это бессистемно, скорее надеясь на везение или постороннюю помощь, которая и была явлена им в лице старого схимника Нектария, введенного в придел двумя молодыми послушниками, благоговейно и трепетно поддерживавшими его под локти. Войдя в придел, Нектарий уверенно пошел к солее справа от Царских врат иконостаса и, ударив пару раз посохом по доскам пола, указал в конкретное место:

— Здесь он. Тут вскрывайте.

— Это точно, отец Нектарий, не путаешь? — спросил архимандрит Паисий, заглядывая под глубокий куколь схимника. Нектарий, разгладив на груди расшитый черепаами и крестами аналав, подошел к пилону храмового свода, у которого стоял большой медный подсвечник и, поправив одну из покосившихся в нем свечей, проскрипел высоким, дребезжащим голосом:

— Стар я, отец наместник, могу забыть, о чем мы с тобой после вечерней говорили, а то, что пятьдесят лет назад было, помню как вчера.

Архимандрит кивнул головой, повернулся к пришедшим с ним инокам и дал команду:

— Приступайте, братья. С Богом!

Фотий и Ермолай, засучив рукава подрясников, принялись заступами вскрывать деревянные доски пола. Свежие, всего год назад положенные полы скрипели и плохо поддавались усилиям монахов. Кованые железные гвозди нехотя вылезали из дубовых досок. Наконец раздался характерный хруст, и сломанная доска отлетела в сторону алтаря.

— Осторожно, там! Иконостас не повредите, ироды! — недовольно произнес монастырский келарь, отец Геннадий, чье естество изнывало от происходящего и уже подсчитывало, во сколько монастырской казне обойдется восстановление сломанного и разрушенного. Впрочем, вслед за первой доской далее дело пошло веселее. Вскрыв пол на полторы сажени, Фотий и Ермолай взялись было за лопаты, но их лезвия тут же уперлись во что-то твердое. Ермолай упал на колени и руками расчистил землю под собой.

— Отец наместник, тут колода старая с телом! Она, что ли?

Архимандрит Паисий вопросительно посмотрел на схимонаха Нектария.

— Ты же говорил, что он не меньше чем на полсажени в глубине лежит, а тут и пары вершков не наберется.

Нектарий заглянул во вскрытый склеп и произнес скрипуче, указывая дрожащим заскоружлым пальцем на иноков с лопатами:

— Пусть братья расчистят колоду. Да свету больше. Плохо видеть стал, однако.

Фотий с Ермолаем и примкнувшие к ним послушники, приведшие Нектария в храм, быстро очистили найденный гроб и придвинули ближе к могиле пару тяжелых подсвечников, усеянных десятками разожженных свечей. Светло стало, как днем. Спустившись при помощи помощников на край выкопанной могилы, схимник утвердительно кивнул головой и сказал спокойно и убежденно:

— Он это — преподобный Авраамий Галичский. Такой же, как и пятьдесят лет назад, когда его мощи в первый раз обретенны были. Только колода еще сильнее прогнила. А тело-то нетленно осталось!

Архимандрит Паисий и келарь Геннадий, присев на корточки, внимательно осмотрели старую колоду, ветхое дерево которой зияло огромными дырами.

— Смотри, отец Геннадий, и правда нетленные! — удовлетворенно произнес архимандрит, указывая келарю на землисто-черную сухую руку преподобного Авраамия, видневшуюся из одной такой дыры, а также на острые скулы с редкой седой бородой, видневшиеся из другой.

— Это чудо, отец наместник! Ко дню обретения мощей святой сам пожелал выйти к нам из плена склепа своего! Вот благодать-то! — радостно сверкая глазами, ответил отец Геннадий, закрывая старую колоду атласной расписной паволокой.

Архимандрит Паисий молчаливо согласился со своим келарем и, перекрестившись на образ Спасы, произнес для всех окружающих:

— Завтра после заутренней и крестного хода перенесем мы мощи преподобного в драгоценную раку, что боярин Борис Салтыков из Москвы прислал, а сейчас спаси Христос, братья! Идите почивать с Богом!

Три часа спустя, далеко до заутренней службы, чуткий сон архимандрита Паисия был нару-

шен тихим чтением молитвы снаружи его личных покоев:

— Молитвами святого Владыки нашего, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, помилуй нас!

Паисий легко поднялся с жесткой дощатой лежанки, которой он не изменял никогда, несмотря на свой высокий духовный сан и благородное происхождение.

— Аминь! — произнес он спокойно и буднично, разрешая пришедшему войти. Вслед за этим в дверь кельи, неловко переступая с ноги на ногу, проник отец келарь и, перекрестившись на иконы в красном углу, загнул неестественным для себя голосом:

— Доброго здоровья, отец наместник! Как почивали?

— Доброго, доброго... — ответил Паисий, неспешно зажигая лучину от едва горящего фитиля масляной лампадки.

— Чего пришел, отец Геннадий? Дело какое срочное или случилось чего?

Келарь скривил кислую мину на испуганном лице и шепотом произнес:

— Беда, отец Паисий, преподобный Авраамий исчез!

— Что значит «исчез»? — перевел на него недоумевающий взгляд архимандрит. — Встал и ушел?

— Не знаю, отец наместник, — пролепетал келарь, вытирая пот со лба. — Пономарь из Покровского собора прибежал, говорит, что могила преподобного пуста стоит...

Подобрав полы рясы, архимандрит Паисий почти вприпрыжку забежал в Предтеченский придел Покровского собора. Следом за ним, тяжело дыша и держась рукой за сердце, туда почти заполз тучный отец Геннадий. Внутри их уже поджидал соборный пономарь Петр по прозвищу Развисляй с чернецами Фотием и Ермолаем.

— Ну? — с ходу задал им вопрос архимандрит, тревожно оглядывая помещение. Пономарь молча кивнул головой на покрытый расписной паволокой склеп преподобного Авраамия.

— Что? — недоуменно развел руками ничего не понимающий Паисий.

Фотий и Ермолай, держась за края, стянули покрывало с могилы святого, открывая зияющую пустотой яму в полу церкви.

— И где колода с телом? — спросил Паисий почему-то конкретно инока Фотия.

— Не ведаю, отче... — испуганно признался чернец, нервно потирая руки. — Когда мы пришли, все так уже было...

— И как глубока яма?

— Глубока, — покачал головой Фотий. — Брат Ермолай лопатой мерил, до дна не достал.

Паисий постоял в задумчивости и бросил ком земли вниз, в могилу. Снизу послышался звук удара о деревянную преграду.

— Она там, — произнес Паисий, нахмутив брови.

— Кто? — недоуменно переспросил Фотий.

— Не кто, а что, — сдержанно, объяснил настоятель, но желваки на его скулах заходили весьма красноречиво. — Колода там, на дне!

Иноки замерили глубину ямы куском веревки. Получилось более двух саженей. Доставать старый, прогнивший гроб с такой глубины было занятием весьма рискованным. Пришлось отцу-келарю привлечь несколько трудников, работавших в тот ранний час на хозяйственном дворе обители. Пока трудники и монахи решали, что предпринять, в храм привели схимника Нектария. На этот раз он был молчалив и взволнован. Посмотрев на происходящее, он подошел к Паисию и сказал ему то, о чем в то время, наверное, думали все присутствующие в храме.

— Знак это, отец наместник. Воля святого Авраамия. Не хочет он, чтобы его мощи обретенны были!

— Глупости, — отмахнулся архимандрит. — Ерунду несешь, отец Нектарий! Наверняка этому есть более разумное объяснение, чем твое.

В это время из могилы раздалась душераздирающие вопли и мольбы о спасении. Иноки Фотий и Ермолай на веревках спущенные на дно склепа иступленно кричали снизу, взывая о помощи. Когда их срочно подняли наверх, то Фотий был уже без сознания, а Ермолай, едва подбирая слова, рассказал, что как только ноги его коснулись дна, так услышал он посвист ужасный, от которого закружилась голова и вмиг подкосились ноги, а все кости и суставы наполнились такой болью,

что терпеть ее не стало никакой мочи. Пришедший в себя Фотий подтвердил слова своего товарища, заявив, что испытал то же самое.

— Глупости, значит? Ерунда? — ехидно проскрипел Нектарий, глядя в глаза Паисию.

— А вот им, наверное, так уже не кажется! — добавил он, кивнув на двух испуганных, перепачканных землей монахов, сидящих у амвона напротив Царских врат и тихо что-то говоривших находящимся рядом трудникам.

— Да не могу я, отец Нектарий, так вот все взять и отменить, — раздраженно ответил архимандрит.

— Ты же знаешь, после Смуты и польского разорения монастырь наш на ладан дышит. Того и гляди монахи разбредутся кто куда, и удержать мне их нечем будет. Казна пуста, и доходов почти нет. Святой Авраамий — это наша надежда. Всех нас. И твоя, и моя, и этих тоже, — кивнул он на Фотия с Ермолаем. — Через две недели церемония. Сам архиепископ едет, вельможи богатые подарки шлют. Другие монастыри частицы мощей преподобного просят, славу о нем по всему государству разносят! Близок час, когда паломники нескончаемой рекой польются в обитель, и тогда монастырь наш оживет и окрепнет. А ты что предлагаешь, чтобы я собственноручно зарезал курицу, несущую золотые яйца? Да не будет этого никогда! Считаю, что не было у нас с тобой этого разговора, и все.

— Мне жаль тебя, отец Паисий, — сокрушенно качая головой, проскрипел старый схимник. —

Жаль... жаль, что веришь в судьбу, только когда это выгодно. Вот ты решил не обращать внимания на знаки и тем самым бросил вызов судьбе. Теперь жди, ибо она обязательно примет его!

Нектарий повернулся спиной к архимандриту и медленно, опираясь на посох, направился прочь из храма, не дожидаясь своих помощников. Паисий же, не удержавшись, продолжил спор, крикнув в спину уходящего старца:

— Судьба? Судьба — это не вопрос случая, а вопрос выбора. Ее не ждут, а создают!

Нектарий, не оборачиваясь, только махнул рукой и вышел за дверь. Тогда архимандрит подошел к притихшим монахам и трудникам и, не сильно скрывая свое раздражение, произнес:

— Ну чего вы расселись в храме Божьем? Продолжайте работать. Скоро уже заутренняя и крестный ход. Вы должны все успеть к этому времени.

Глава 1

Три инока

В лето 7128-го от Сотворения мира, в последний день Петрова поста, едва первые солнечные лучи упали на дымящуюся, будто в закипи, гладь Чухломского озера, как на узкой дорожке, зажатой между дремучим лесом и болотистым берегом, появились трое, облаченных в черные монашеские одежды. Впереди этого небольшого от-